

Россия «возвращается к самой себе... в собственную историю», — объявил Владимир Путин в Валдайской речи осенью 2013 года. Россия, по его словам, уже не советская («советскую идеологию ... вернуть невозможно»), но и не царская (Путин призвал не идеализировать Россию до 1917 года), и даже не постсоветская (поскольку этот тяжелый этап, согласно Путину, мы уже успешно

преодолели). При этом российский президент не сформулировал в явном виде, в чем же заключена истинная сущность России, неизменная на всем протяжении ее истории. Сущность эта остается неким нерасчленимым мистическим целым.

Присоединение Крыма как будто добавило ясности: возвращение к политике территориальной экспансии радикально отличает сегодняшнюю Россию от двух постсоветских десятилетий и роднит ее как со зрелой советской, так и с Российской империей — расширение собственных границ было важнейшим смыслом для обеих. Но на фоне нового российского экспансионизма в постсоветской государственной идентичности обозначились черты, которые, напротив, отличают ее от дореволюционной, и от коммунистической. Присоединение Крыма и участие России в событиях на востоке Украины в апреле 2014 года апеллируют к защите «наших», «русскоязычных» или «соотечественников», тем самым подчеркивая националистический характер экспансии и подталкивая Россию в сторону национального государства, которым она никогда в своей истории не была. В России до 1917 года государственная идентичность была имперской, монархической и православной, но никак не национальной (так что немец барон Фредерикс мог оставаться министром двора даже во время войны с Германией). В Советском Союзе государственное самоопределение строилось вокруг коммунистической идеологии, в рамках которой постепенно сложилось представле-

ние о советской наднациональной общности, вместившей в себя «дружную семью народов». (Никого ведь не смущало, что во главе коммунистической империи стоит грузин.)

После распада Советского Союза мы перестали называть себя советскими, а характер государственной идентичности новой России стал предметом дискуссий. Одни отстаивали идею, что в России необходимо построить гражданскую нацию, другие считали, что Россия неспособна (и даже не должна) преодолевать свою имперскую сущность, а третьи выступали с концепцией национального государства, в котором так или иначе закреплена главенствующая роль этнических русских.

В современном употреблении отсутствует общепринятый термин, которым могли бы обозначать себя все граждане России — и те, кто принадлежит к русскому этническому большинству, и представители этнических меньшинств. Применительно к человеку эпитет «русский» твердо противопоставляется «нерусскому», то есть татарину, якуту, осетину. Обращение к согражданам «Дорогие россияне» осталось приметой ушедшей ельцинской эпохи и тогдашних попыток выстроить нацию на гражданских основаниях — отрицании как советского, так и этнического. Путин, отринувший наследие Ельцина в целом, отказался и от подобного обращения. В путинской России гражданскому места нет — гражданские права и свободы, гражданское общество были последовательно вытеснены, а тем самым были уничтожены и перспективы строительства гражданской нации.

Из оставшихся вариантов — имперской нации и национального государства на «этнической» основе — сам Путин отчетливо делал выбор в пользу первой, точнее ее советского образца. Он последовательно апеллировал к советскому опыту «дружбы народов», говорил о национальном и конфессиональном разнообразии как об «источнике нашей красоты и силы» и даже настаивал, что превращение в национальное государство для России губительно.

Восприятие России как многонациональной страны естественно для человека советской закалки, усвоившего соответствующие идеологические клише. Но почти через четверть века после распада СССР подобное мироощущение вовсе не данность — в стране, где этнические русские составляют подавляющее большинство, его разделяют далеко не все. На фоне постоянного притока трудовых мигрантов и проблем, связанных с Северным Кавказом, все больше наших сограждан разделяет лозунг «Россия для русских». Эксплуатация этих настроений, в частности во время предвыборной кампании по выборам московского мэра, осенью 2013 года привела к тому, что этот ксенофобский лозунг поддержали уже две трети российских граждан. Призыв «Хватит кормить Кавказ» также пользуется большой популярностью. Еще больше наших соотечественников приветствовали бы повышение статуса собственно русских — в той или иной форме — по сравнению с «нерусскими». В сегодняшней России никто не осмелится напрямую полемизировать с Путиным, но вполне возможно, что даже в политическом истеблишменте не все разделяют повторяемые им формулы о «цветущей сложности». Рассуждения о преимуществах национального многообразия не способны смягчить этническую ксенофобию. Более того, уклончивость «советских» установок и отказ поддержать «русских» против «нерусских» побудили многих националистов присоединиться к антипутинским митингам конца 2011—2012 годов.

Присоединение Крыма под лозунгом защиты «наших», использование той же риторики теперь уже применительно к восточной Украине все сильнее толкает Россию в сторону русского национализма. Безостановочная агрессивная пропаганда на телеканалах, направленная против всяческих врагов, от «национал-предателей» внутри до «бандеровцев» в Украине поощряет

ксенофобию — слова и даже действия, еще недавно неприемлемые в публичном пространстве, получают общественную легитимацию.

Опубликованный в апреле 2014 года проект культурной политики в явном виде приравнивает «русского» к «российскому», требование унификации школьных учебников касается уже не только единого видения истории, но и искоренения признаков «сепаратизма» в учебниках, созданных в национальных республиках. Кажется, никогда в речах Путина слово «русский» не встречалось так часто, как в его «крымской» речи 18 марта 2014-го года. Движение России в сторону национального государства русских, легитимация русского национализма неизбежно приведут к росту национализма меньшинств и этническому насилию.

Материалы этого номера были написаны до присоединения Крыма и посвящены проблемам национализма в России. **Борис Дубин** пишет об усилении в российском обществе «компенсаторных механизмов — поиска врага, ксенофобии и антизападничества, которые выступают суррогатными символами негативной солидарности». Статья **Александра Верховского** посвящена отношению властей к проблемам национализма. **Эмиль Паин** задается вопросом о том, смогут ли россияне выдать себя империю? **Марлен Ларюэль** рассматривает «русский национализм» как область научных исследований. **Сергей Абашин** анализирует феномен движения в Россию из Центральной Азии. Темой **Сергея Голунова** являются проблемы преступности, связанные с этнической миграцией. За пределами главной темы мы публикуем материал **Ирины Стародубровской** о Северном Кавказе, который переживает «период разложения традиционной системы отношений и институтов». **Владимир Гельман** рассуждает о российской оппозиции, а **Екатерина Шульман** о качестве законодательного процесса в российском парламенте.

Мария Липман, главный редактор